Текст · 20 декабря 2022, 09:45
Павел Васильев,

От контракта до «ямы». Типичный путь российского солдата, добровольно поехавшего воевать в Украину

Разочарованные провалами и ошибками командования российские военнослужащие все чаще отказываются воевать. За это их отправляют в подвалы для «дезертиров» и угрожают послать на передовую без оружия. «Медиазона» поговорила с добровольцами, которые поехали на фронт, «чтобы помочь стране», и воссоздала типичный путь российского солдата — от подписания контракта, окопов, противоречивых, а порой и губительных приказов до заключения в лагере для отказников.

«Помощь парням» и борьба с «европейской пропагандой». Контракт

До того как уйти на фронт, 30-летний москвич Дмитрий Панов[1] ремонтировал стиральные машины, подрабатывал поваром на музыкальных фестивалях, а в свободное время занимался парашютным спортом. Эмоции от новостей о вторжении России в Украину Дмитрий описывает одним словом: «удивление». По его словам, при общении с друзьями — а среди них были как сторонники, так и противники войны — он пытался сохранять «нейтралитет». Но уже к началу лета Панов решил последовать примеру одного из друзей и отправиться на фронт, объясняя это «зовом сердца»

и желанием «быть полезным своей стране и армии». После двух с половиной месяцев на войне Панов сделает неприятное открытие: ни государству, ни армии его жертвы окажутся не нужны.

О причинах российской агрессии против Украины Панов особо не размышлял, а для себя выбрал одно из продвигаемых госпропагандой объяснений, замешанных на консерватизме, критике «западных ценностей» и гомофобии.

«Первая такая, знаете, в общем, причина — это чтобы на Украине уничтожить, как бы, вот эту европейскую пропаганду. Что, мол, геи, что, мол, там какое-то непонятное образование, что там будет не мальчик с девочкой дружить, а мальчик с мальчиком. Ну, и какие-то там еще, скажем так, несколько факторов, которые, ну, назовем это так, относятся именно к европейской модели жизни, что ли, — неуверенно и довольно путано определяет мотивы вторжения Панов. — То есть просто чтобы не было гей-пропаганды, геев и чтобы не было здесь Европы и так далее». На вопрос, как «европейская модель жизни» мешает лично ему и чем угрожает России, Панов не может ответить и сейчас.

Некоторые друзья и знакомые отговаривали Панова от заключения контракта с Минобороны, предрекая ему судьбу «пушечного мяса», но он к ним не прислушался: «У меня были, наоборот, только мысли, чтобы попасть туда, как бы помочь нашим парням [на фронте]».

Москвич какое-то время присматривался к полку «Ахмат», который вскоре после начала войны начал

рекламировать глава Чечни Рамзан Кадыров, но в итоге решил записаться добровольцем через военкомат. Там ему выдали бумагу, где были прописаны выплаты за уничтожение украинской техники, и посоветовали подписать краткосрочный контракт на три месяца — так можно было попасть в Украину, минуя длительные сборы на учебных полигонах.

В августе Панову, как и многим его будущим сослуживцам, обещали, что участие в боях им не грозит, а главной их задачей будет помощь регулярной армии «на третьей линии обороны». Совсем скоро станет ясно, что Панова и других новобранцев попросту обманули.

«Доблестная» бригада полковника Сафонова. Подготовка

Дмитрия Панова и других добровольцев из Москвы, прошедших отбор и заключивших контракты с Минобороны, приписали к считающейся элитной 27-й мотострелковой бригаде[2], дислоцирующейся в поселке Мосрентген на юго-западе Москвы, рядом с Хованским кладбищем.

Только за первые 20 дней войны 27-я бригада, возглавляемая полковником Сергеем Сафоновым, потеряла семь человек убитыми. Еще 14 человек пропали без вести, 28 были ранены, а почти полтора десятка добровольцев попали в плен.

Позже, оказавшись в Харьковской области под обстрелами наступающей украинской армии, Панов

будет обвинять командование бригады и лично Сафонова в том, что тот бросил своих солдат.

О пренебрежительном отношении руководства 27-й бригады Панов слышал и до того, как попал на фронт. «Один военнослужащий по контракту, штатный, сказал, что лучше год в Афганистане, чем служить в [27-й] бригаде», — рассказывает Дмитрий. Сам он с иронией называет бригаду «доблестной».

16 августа Ан-26 с Пановым и другими добровольцами на борту вылетел с подмосковного аэродрома Кубинка и приземлился в Белгороде, оттуда солдат отправили в Валуйки. Этим же маршрутом, только с разницей в пять недель, в город проследовали и первые мобилизованные россияне. Там они столкнулись с типичными проблемами-, сопровождающими российских солдат с начала вторжения в Украину: плохим снаряжением и почти полным отсутствием боевой подготовки.

Как вспоминает в разговоре с «Медиазоной» Панов, обмундирование, которое им выдавали, часто оказывалось «залежавшимся старьем»: на берцах Дмитрия были ржавые люверсы, а форма не подходила по размеру. Но больше всего ему запомнились металлические кружки, произведенные еще в СССР: кому-то достались ржавые, кому-то дырявые, и почти все они были вымазаны в солидоле. «Я не знаю, зачем смазывали кружку солидолом, [может] чтобы она хранилась дольше. Но это было на самом деле удивительно. Это нас ошарашило», — добавляет Панов.

Боевой подготовки по сути не было, говорит Дмитрий. Особенно не хватало занятий по тактике. Когда-то он проходил срочную службу в ВДВ и сохранил с тех пор минимальные знания о военном деле.

«Многие действительно не знают, что такое перемещение в двойках, что такое сектор стрельбы. Например, я скажу: "Сектор стрельбы от часу до трех" — они этого не понимают. Они не понимают, где двенадцать часов, где три часа, где шесть, — сетует Панов. — Они не знают, как перемещаться в тройках. Тактики передвижения абсолютно не было, и это действительно очень большой минус. Люди в принципе не смогли этому обучиться. И это потом, конечно, сыграло свою роль».

С начала вторжения в Украину на плохую военную подготовку жалуются как контрактники, так и мобилизованные. Виктора Григорьева и Сергея Шубина[3] призвали 23 сентября, через два дня после указа Владимира Путина о «частичной» мобилизации. Их жены утверждают, что супругов, приписанных, как и Панов, к 27-й бригаде, отправили на фронт под Сватово всего лишь через две недели подготовки. В начале ноября оба получили контузии и попали в госпиталь. По словам жены Григорьева, ее мужу толком не оказывали медицинской помощи, «выдали горсть таблеток и поставили в строй». Супруга Шубина также рассказала, что ее мужа толком не лечили, «поставили одну капельницу» и снова отправили на фронт.

Сейчас Дмитрий убежден, что командиры прекрасно знали — новобранцы не подготовлены к открытым

боевым столкновениям, но им было наплевать: «Мы — обыкновенное мясо. Они не хотят знать нас, они представляют нас как каких-то животных, которых ведут на убой. Тогда я этого не понимал».

«Изюм, короче, наши сдали». Окопы и отступление

Границу с Украиной Дмитрий Панов пересек 21 августа в составе роты, состоящей примерно из 120-130 человек. Войска вошли в Украину через Купянск, крупный железнодорожный узел, захваченный в самом начале вторжения и ставший для российской армии важной тыловой базой в Харьковской области.

На следующее утро Панов и его сослуживцы оказались в лесах под Изюмом. Им вручили лопаты и топоры и приказали сооружать блиндажи.

«Представьте, что вы на даче роете бассейн. Начали пилить сосны, сверху на эти ямы стелили бревна, делали крышу, чтобы в случае артиллерийских обстрелов они были защищены, — описывает свою службу в первые дни Дмитрий Панов. — Наша задача — не пропустить врага к Изюму. Если он пойдет, надо открывать огонь и принимать бой».

Впрочем, первые пару недель на фронте были спокойными, рассказывает Игорь Никонов[4] из Пскова, который тоже добровольцем отправился на фронт и служил в одном подразделении с Пановым. Солдаты дежурили, сменяя друг друга каждые двое суток, ночевали в блиндажах или под

открытым небом. Из-за сырости и плесени многие начали кашлять, заболевших с высокой температурой с позиций забирали в госпиталь. По ночам, добавляет Панов, приходилось ориентироваться на слух: приборов ночного видения добровольцам не выдали.

Иллюстрация: Мария Гранаткина / Медиазона

Как писали в своих отчетах аналитики Института изучения войны, к середине лета, после захвата Луганской области, Россия взяла на фронте оперативную паузу, но уже в августе Украина начала наращивать силы в Харьковской области. Российские войска, в свою очередь, ограничивались локальными диверсионными атаками юго-западнее и юго-восточнее Изюма, причем не всегда удачными.

В начале осени масштабное контрнаступление ВСУ в Харьковской области стало неизбежным. Украинская армия регулярно обстреливала Изюм и Балаклею, а уже 10 сентября российское военное командование признало, что войска вынуждены отступить. Вскоре после того, как в Изюм вошла украинская армия, в окрестных лесах нашли массовые захоронения: 450 могил с телами людей, погибших во время боев и оккупации.

Как утверждает Панов, его роте приказали покинуть позиции, но новости об отступлении российских войск дошли с сильным опозданием, через два-три дня: «Были какие-то слухи, что у нас эвакуация. Но мы

не знали еще на тот момент об этом, мы просто едем, едем и едем. Тут начали шептаться, что, слушайте, Изюм, короче, наши сдали. Идет эвакуация. Мы находимся в кольце. То есть, возможно, мы отсюда и не выберемся даже».

По словам Дмитрия, позже он узнал, что его роту из ста с лишним человек вообще не собирались эвакуировать. Многие были вынуждены бежать лесами к российской границе. «После этого случая у очень многих парней глаза перестали гореть ярко и потускнели от осознания того, что мы просто здесь не солдаты и не защитники, мы нечто иное. Потом поняли, что мы здесь расходный материал», — жалуется он.

На подмогу пришел исполняющий обязанности замначальника штаба батальона с позывным Рыба, некогда воевавший в Сирии, единственный из командования, как говорят Панов и Никонов, кому доверяли и кого искренне уважали солдаты. По словам добровольцев, если бы не Рыба, им, скорее всего, не удалось бы избежать окружения и выйти живыми из лесов под Изюмом.

«Уходили на бэтээрах под обстрелами. Изюм уже бомбили, страшно было. Техника наша покидана была в Изюме, горела техника», — рассказывает Никонов об отступлении.

Дмитрий вспоминает, что по пути колонна подхватила двух парней из другого взвода. Они рассказывали, как вернулись с дежурства, уснули, а когда проснулись, никого из сослуживцев уже не было — их просто забыли при отступлении.

Знакомство с гаубицей. Бегство из Купянска

Из Изюма роту Панова и Никонова перебросили в восточную часть Купянска. Правый берег реки Оскол, которая делит город пополам, к середине октября перешел под контроль украинских войск, продолжавших активно продвигаться по Харьковской области.

Отступление из Купянска было таким же хаотичным и сумбурным, как в Изюме, рассказывали Панову военные, встретившиеся ему после прибытия в город. В суматохе не всех солдат удалось организованно эвакуировать в контролируемую российской армией часть города, многим приходилось выбираться самостоятельно, утверждает Дмитрий.

Жители Купянска не скрывали неприязни к российской армии, говорит Панов, еще весной они выходили на уличные протесты, а осенью радовались возвращению ВСУ. Один из солдат рассказывал Дмитрию, что когда он с сослуживцами покидал западную часть города, местная жительница подсказала им путь, который, как оказалось, выходил прямо на украинский блокпост. Не зная об этом, солдаты ехали по дороге, расчищая ее от мин, когда по ним открыли огонь. Граната залетела в

прицеп, покрытый брезентом, в котором сидели военнослужащие, несколько человек были убиты. «Из-под обстрела выбирались полями, селами. Пили воду из луж. Мы бежали и молились богу, чтобы нас никто не заметил», — пересказывает Панов историю одного из россиян.

На левый берег Купянска Панов и Никонов попали в конце сентября и провели там около двух недель, в основном патрулируя улицы. Добровольцы вспоминают, что им часто приходилось прятаться от артиллерийских атак в домах и подвалах, продовольствие заканчивалось, но тыловые колонны отказывались ехать из-за постоянных обстрелов.

«И тогда впервые я познакомился с гаубицей. Я тогда увидел первый раз в своей жизни неразорвавшийся снаряд 152 миллиметра. Он лежал в пяти или шести метрах от меня, — вспоминает Панов. — Он не взорвался, это было чудом, потому что когда он прилетел, он начал катиться. От него исходил красный такой дым, он просто покатился, остановился, но не взорвался. Мне просто повезло, реально. Если бы он взорвался, была бы смерть от осколков».

В начале октября роту Панова на время вернули в российский приграничный город Уразово Белгородской области. Там москвич пробыл около двух дней: звонил родственникам, покупал одежду и медикаменты.

Следующий приказ — удержание позиций на фронте в Луганской области — Дмитрий и еще около ста человек отказались выполнять, выступив против

задержания командира Рыбы: после отступления из Изюма офицера забрали то ли сотрудники военной полиции, то ли ФСБ, рассказывают добровольцы, из-за того что тот самостоятельно принял решение об эвакуации солдат. В этот же день Рыбу отпустили, и военные подчинились приказу командования.

Пьяные танцы и огонь по своим. Линия фронта в Луганской области

В середине октября рота, в которой служили Панов и Никонов, окопалась в Луганской области близ Новоселовки. По словам Панова, они стояли на постоянно обстреливаемых ВСУ позициях: прятались от дронов и принимали на себя огонь артиллерии и танков, ежедневно теряя людей.

После того как Рыба подорвался на мине, командование перешло к другому майору[5].

. Его назначение военнослужащие встретили с недовольством: ходили слухи, что этот командующий бросил свои подразделения при отступлении из Изюма.

Однажды, утверждает доброволец из Москвы, майор приехал на позиции пьяным. Он привез солдатам еду. «Они начали визжать, орать и танцевать на бэтээре. У них там, короче, была еда, вода, сухпайки, они начали просто это все пинать в каком-то таком, знаете, может быть, алкогольном кураже», — вспоминает Панов. К тому же майор «со свитой» приехал днем, чего категорически нельзя делать, иначе можно раскрыть позицию, объясняет Панов. Через полчаса начался массированный обстрел со стороны ВСУ. «Место

спалили. Мы оттуда начали убегать», — говорит Дмитрий.

По воспоминаниям Панова, одного из бойцов разорвало на части, другой получил несколько ранений. Он предполагает, что за позицией наблюдала украинская разведгруппа, которая и корректировала огонь артиллерии и танков. Подразделение Панова залегло в поле подсолнухов, а потом все же смогло уйти. «За несколько дней наша позиция стала лысой. Российская артиллерия отказывалась помогать», — вздыхает он.

Однако спустя какое-то время майор приказал вернуться на старое место, несмотря на возражения и уговоры подчиненных. «Он сказал копать окопы поглубже, и тогда снаряды не прилетят, — возмущается Дмитрий. — Нами как солдатами перестали дорожить, мы стали мясом!».

Безразличие командования к солдатам подрывало у сослуживцев желание воевать, добавляет Панов. Еще в августе британская разведка отмечала, что боевой дух во многих частях российских вооруженных сил крайне ослаб, а ресурсы армии истощились. На это указывал и Институт изучения войны в одной из ноябрьских сводок.

В конце октября и начале ноября Никонов и Панов встретили на фронте первых мобилизованных. Те рассказывали, что их бросили на передовую и после одного из столкновений с ВСУ из 80 мобилизованных на поле боя остались лежать 50 трупов.

Иллюстрация: Мария Гранаткина / Медиазона

Украинская армия подходила все ближе к Новоселовке, российским войскам было поручено ее удержать. Панов и Никонов объясняют, что, отсиживаясь в окопах, добровольцы все сильнее злились на недальновидность командования, которое по каким-то причинам группирует войска в низинах, делая их удобной мишенью для атак противника. «Может быть, был смысл, чтобы мы там просто сдохли. Именно не погибли, не умерли, а именно сдохли, — рассуждает Панов. — Может быть, еще в чем-то был смысл. Но этого решения с какой-то, скажем так, военной точки зрения я не понимаю».

Солдаты предлагали ударить по украинской минометной точке, но командование почему-то в этом долго отказывало. А когда все же решило поддержать российские войска огнем артиллерии, то попала по своим же, утверждает Панов.

«Я помню этот момент: вначале я увидел очень яркую вспышку, я упал на землю в окоп. Мои глаза перестали вообще что-то видеть. Появилось такое жуткое жжение, полились слезы, и я перестал дышать. Мне не хватало воздуха. Я бился, назовем это так, как будто бы в предсмертной конвульсии. Я пытался хоть как-то найти воздух, глотнуть его. Но у меня не получалось», — вспоминает Дмитрий.

О том, что российская армия наносит случайные удары по своим, рассказывали и другие повстречавшиеся Панову на войне россияне. По данным экспертов *RUSI*, это происходит из-за использования российскими военными устаревших карт, плохой боевой подготовки и хаотичной координации подразделений.

Панов говорит, что очередные ошибки командования в Новоселовке стали для него «последней каплей» — воевать больше он не хотел.

В ноябре подразделение Панова отступило в Сватово, вместе с ним отступали и мобилизованные. Их истории во многом похожи друг на друга: у новобранцев не было денег, еды, воды, а командование их бросило. Ночью они прятались по подвалам и в лесополосах. «А потом они просто приняли решение уйти с фронта, — рассказывает Панов. — Даже был случай, что 76 человек приблизительно просто ушли из своих позиций. Они в итоге вышли в Воронежскую область».

О тяжелых боях в районе Сватово «Медиазоне» рассказывали многие мобилизованные. Они говорили, что были брошены на передовую фактически без оружия. Оставленные командованием солдаты вынуждены были самостоятельно отходить из-под массированных обстрелов.

Подавляющее большинство жителей Сватово с надеждой ждали украинских солдат и были враждебно настроены по отношению к россиянам, говорит Панов, но одна женщина все же пустила

его к себе попить воды. Дмитрий рассказывает, что внутри висела икона Божьей Матери, он помолился и попросил о возвращении домой.

«Центр восстановления боеспособности» в подвале. Лагерь для отказников

В Сватово Панов и его сослуживцы впервые столкнулись с полковником Владимиром Румянцевым, замкомандующего 1-й танковой армии по военно-политической работе. Полковника уже упоминали герои текстов «Медиазоны», они рассказывали, что Румянцев разъезжает по прифронтовым лагерям «поддатым» и запугивает тех, кто отказывается воевать. Так случилось и в этот раз.

Как вспоминает Панов, полковник приехал под Сватово 3 ноября и говорил покинувшим фронт солдатам, что «мужик должен воевать» и противостоять танкам с автоматом в руках, называя всех «дезертирами».

Десятки солдат, выживших после отступления из Купянска и боев под Сватово, больше не хотели оставаться на фронте, рассказывает Игорь Никонов: «Мы в отказ пошли. И вот он нас посадил в тюрьму, требовал, чтобы мы пошли на передок».

Румянцев угрожал отобрать оружие и отправить отказников в окопы на первую линию фронта. «Говорил, [что] сейчас свяжет нас, приедет спецназ. Говорил: "Я кину вас под огонь ВСУ без оружия,

без всего", — вспоминает Дмитрий. — Мы не могли поверить в то, что это говорил командир, высокий начальник именно с нашей, российской стороны».

Возвращаться на передовую тогда отказались около 60 человек, утверждает Панов. Всех посадили в КамАЗ и повезли в поселок Зайцево на территории самопровозглашенной ЛНР. Отказникам объяснили, что их перемещают в «центр восстановления боеспособности», который сотрудники военной полиции еще называли «центром восстановления психического здоровья».

Прежде чем оказаться в лагере, доброволец Игорь Никонов неделю провел в местном отделе полиции: «У нас были какие-то копейки, за них полицейские и покупали нам еду».

В Зайцево Дмитрия Панова привезли 5-6 ноября. «Центром восстановления боеспособности и психического здоровья» оказался подвал в местном доме культуры, где уже сидели еще 70 человек. Дырявые стены, с потолка капает вода — в этих условиях военные жили неделями, по словам Панова, в основном те, кто выжил при отступлении в Харьковской области и отказался возвращаться на фронт. Дмитрий нашел себе фанеру и спал на ней. «Мне кажется, даже в тюрьме условия лучше», — говорит Панов.

Подвал был вместительным, и на протяжении двух недель туда привозили все больше военнослужащих, поэтому в какой-то момент там содержалось около 300 человек, утверждает Дмитрий. Правозащитник

Павел Чиков называл примерно такое же число задержанных солдат: 280 человек.

Свидетельства о лагерях для отказников в ЛНР начали появляться в июле, одна из таких неформальных тюрем, где удерживали десятки солдат, больше месяца работала под Луганском. Военных уговаривали вернуться на фронт, некоторых вывозили силой, самых стойких отправляли в «ямы» — так военнослужащие называют подвалы, где их держали, — и там избивали. Президент Владимир Путин назвал «чушью» и «фейками» информацию о подвалах для военных, отказавшихся воевать.

Сотрудники военной полиции, приставленные к пленникам, иногда помогали арестантам лекарствами и едой. В основном это были консервы, фасоль, кукуруза, зеленый горошек; одну банку приходилось делить на шестерых-семерых человек, рассказывает Панов. Изредка удавалось разжиться хлебом. Жены мобилизованных Виктора Григорьева и Сергея Шубина утверждают, что однажды их супругов, также побывавших в Зайцево, два дня вообще не кормили.

В какой-то момент в качестве меры давления солдатам запретили ходить в туалет по необходимости, разрешив делать это лишь два раза в день — утром и вечером. В остальное время мужчины справляли нужду в пластиковые бутылки.

Несколько раз в Зайцево приезжал полковник Румянцев и снова сыпал угрозами. «Говорил, что ваших детей будут унижать в школе за то, что их папа оказался дезертир», — вспоминает

Панов. При этом многие не отказывались служить, объясняет он, но просили перевести их в «нормальное подразделение», подальше от линии фронта. Некоторым мобилизованным в итоге удалось вернуться в Россию, где они продолжают служить в части. Панов же решил, что больше не хочет иметь ничего общего с российской армией.

Москвич провел в сыром подвале 14 дней. 22 ноября Дмитрию сказали, что он может возвращаться в Россию, поскольку его трехмесячный контракт с Минобороны закончился. Через три дня вместе с Никоновым, чей контракт тоже истек, они добрались до Москвы.

Почти сразу после возвращения сослуживцы написали заявления в военно-следственное управление СК, требуя привлечь к уголовной ответственности полковника Румянцева и еще трех командиров, бросивших их под огонь украинской артиллерии.

Военнослужащие требуют возбудить уголовные дела по статьям о превышении полномочий (статья 286 УК), незаконном лишении свободы (статья 127 УК) и похищении (статья 126 УК). Такие же заявления-[6] написали и жены двоих мобилизованных — Григорьева и Шубина.

Сейчас Панов и Никонов продолжают числиться в 27-й мотострелковой бригаде. Несмотря на окончание контракта, мужчины почти ежедневно ходят отмечаться в часть, чтобы их не сочли дезертирами. Уволиться со службы они не могут из-за действующего президентского указа о

«частичной» мобилизации, объясняет «Медиазоне» адвокат Максим Гребенюк, который защищает права военнослужащих.

Вспоминая две недели, проведенные в лагере для отказников, Панов говорит, что никогда не видел в одном месте столько разочарованных в российской армии людей. «Они не могли поверить, что собственная страна повернулась к ним задницей, раздвинула булки и все дерьмо, которое у нее было, вылило на них, — рассуждает Панов. — Люди не могли поверить, что так военное руководство может обходиться со своими солдатами».

Редактор: Мария Климова

1. Имя изменено.

2. 27-я отдельная гвардейская Севастопольская Краснознаменная мотострелковая бригада имени 60-летия образования СССР. Войсковая часть № 61899. Входит в состав 1-й гвардейской танковой армии Западного военного округа.

3. Имена изменены.

4. Имя и фамилия героя изменены по его просьбе.

5. Имя и фамилия в тексте не уточняется по просьбе героя публикации. Редакции оно известно.

6. Копии есть в распоряжении «Медиазоны».